

Валерий Гергиев: театр не должен быть колымагой

КоммерсантЪ - daily. - 1997 - 15 авг. - с. 10

На престижном европейском оперном фестивале в Зальцбурге прошел премьерный показ «Бориса Годунова» Мусоргского — спектакля, созданного международной командой выдающихся музыкантов. Художественный руководитель постановки — **ВАЛЕРИЙ ГЕРГИЕВ**. Накануне поездки в Зальцбург он дал интервью **МАРИИ БАБАЛОВОЙ**.

О премиях

— Этот период для меня — переломный. Я надеюсь откристаллизовать пристрастия, которые будут сопровождать меня теперь, наверное, уже все то время, что мне еще отведено стоять за дирижерским пультом. Что я имею в виду? — Прежде всего предпринятые постановки Вагнера. Начатые «Лоэнгрином» в Covent Garden, они продолжились майской премьерой «Парсифаля» на сцене Мариинки. Мой второй шаг — это съемки в Италии одноименного фильма с Пласидо Доминго в главной роли. А в конце года думаю поставить «Летучего голландца», который откроет культурную программу EXPO-98 в Лиссабоне.

Важно, чтобы работа Мариинского в вагнеровском репертуаре была сопоставима с тем, что создавали в Байройте, Metropolitan Opera или Covent Garden, где есть столетние традиции вагнеровских постановок. Хороший Вагнер должен звучать и в Петербурге.

— В этом году вам присудили несколько премий. Скажите, насколько оценка окружающих адекватна самооценке?

— Я сбалансированный человек, и призы — не главное в моей жизни. Если б премий не существовало, я бы никогда и не думал о них. Обычно они возникают в моей жизни просто как известия.

Однако два-три мгновения были счастливыми для меня. Например, когда наша запись live («живого» спектакля) прокофьевского «Огненного ангела» получила в Лондоне приз «Gramophone» как лучшая в мире оперная запись 1996 года.

Сознаюсь, моему самолюбию это весьма польстило. Может быть, еще и потому, что все связанное с этой оперой мне далеко не безразлично. Она стала для нашего театра своеобразной точкой «золотого сечения» — заманчивая идея постановщиков, работа солистов, возможности оркестра и хора совпали на достаточно высоком уровне и создали мощное впечатление, каким в идеале должно быть отмечено каждое соприкосновение с оперным театром.

О Большом театре и больших дирижерах

— Каким вам видится будущее Большого театра — не только в контексте его взаимоотношений с Мариинским?

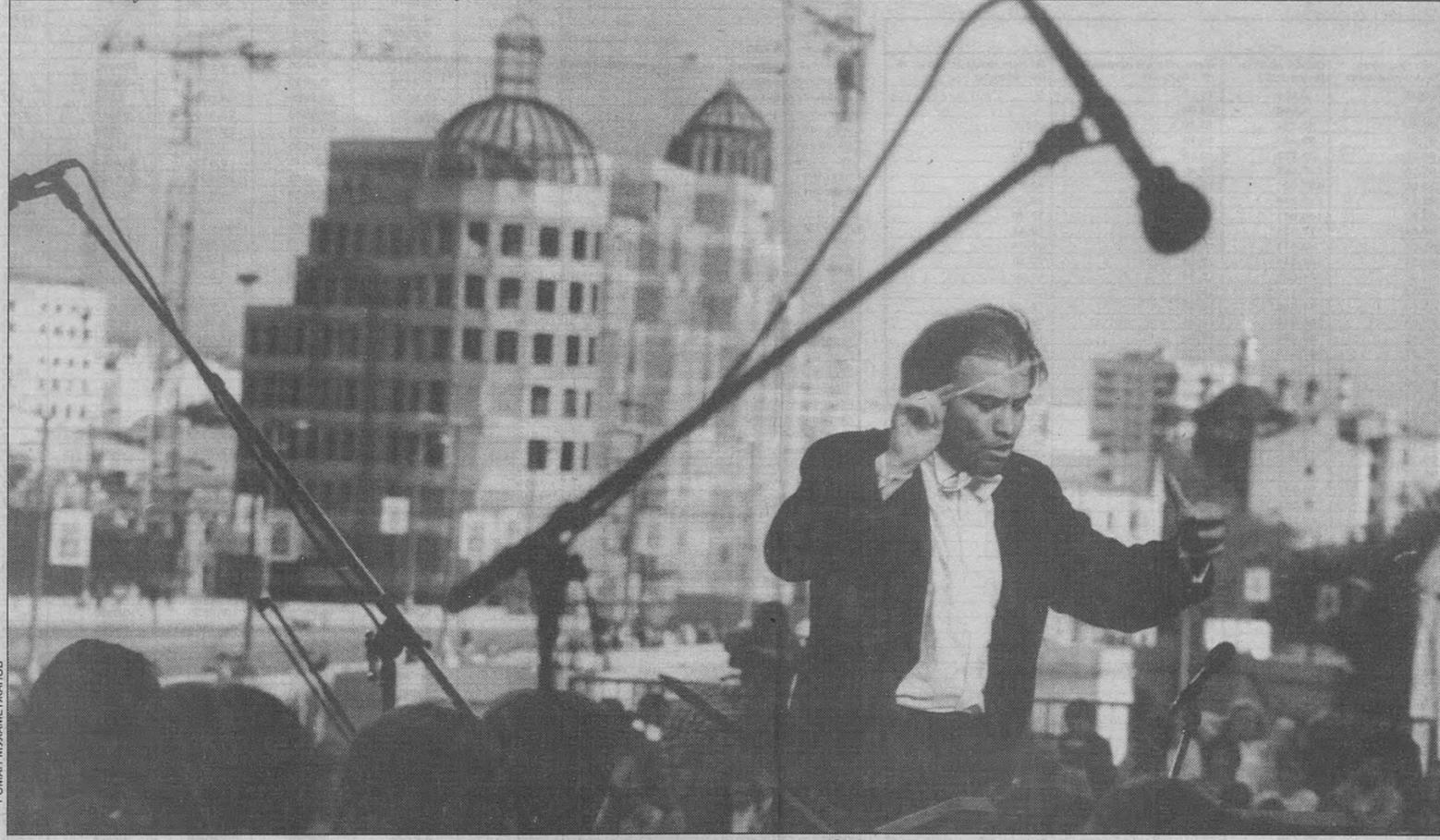
— Я хотел бы, чтобы мои мысли по поводу Большого воспринимались как слова человека, которому далеко не безразлично вообще положение оперы в России. Я имею в виду процесс миграции, точнее, эмиграции русских певцов на Запад. Миграция меня бы устраивала. А эмиграция? Я сам на это не пошел и надеюсь, что мне не придется об этом даже думать.

Мне не хочется выглядеть человеком, который ограждает себя ото всех и создает некую «империю» — как паук, плетущий паутину где-то там в Петербурге. Считаю, что гораздо лучше для Москвы и Петербурга, если возникнет активный обмен спектаклями и артистами. Удалось же мне пригласить за пульт Мариинского оркестра Темirkanова, Светланова, Янсона.

Сейчас достаточно активно идут переговоры с Риккардо Мутти. В прошлом году удалось привлечь Берлинский филармонический оркестр с Клаудио Аббадо для выступления в Мариинском театре, и это увидели по телевидению почти 500 миллионов человек. Благодаря Мариинскому Россия имела возможность услышать Пласидо Доминго.

Уверен, это можно было бы сделать и в Большом. Ведь наши лучшие певцы приезжали в Москву на «Хованшину» с Ростроповичем. Мы же постоянно приглашаем Архипову, Образцову, Касрашвили и Соткилаву... Григоровичу мы сделали замечательный юбилей... Потому что все эти люди уже оставили свой след в культуре.

— Что нужно сделать, чтобы уровень спектаклей «без Гергиева» был таким же высоким, как и с Гергиевым?

Когда Гергиеву становится тесно в Мариинке и в Петербурге, он превращается в конкистадора. Одно из таких выступлений проходило в Москве на Васильевском спуске

— Надо, чтобы в театре пять раз дирижировал Мутти, еще пять — Аббадо, и еще по пять — Светланов и Темirkanов. Тогда, думаю, мы сделаем огромный шаг вперед.

В целом нынешний сезон — возможно, лучший из тех, что я провел в театре. Я чувствую, что сегодня стране нужен великий Мариинский театр.

А чтобы никого не обидеть, добавлю, что стране нужен и великий Большой театр. Да, мы сегодня далеки от совершенства. Однако у Мариинского есть желание работать со всеми лучшими творческими силами. А в Большом нет ни Светланова, ни многих достойных людей.

— Даже Ростроповича...

— Ростропович — особая тема. Мы все преклоняемся перед тем, что сделано им как музыкантом и общественным деятелем... Хотел он того или нет, но он стал политической фигурой уже 20-25 лет назад. Мы не виноваты в том, что он и Галина Вишневская в свое время были лишены паспортов. Мы не имели ни малейшего отношения к тому, что происходило в 70-е годы. Мы также не имели отношения к тому — видимо, великому, — что Мстислав Леопольдович делал в Вашингтоне, Лондоне или Париже.

Я четыре года просил Мстислава Леопольдовича сделать «Леди Макбет». Могу даже назвать день, когда мы начали говорить на эту тему — это было в 1989 году. А перестали говорить об этом накануне 1995 года. Если бы не такой долгий разговор, я сам ее давно бы уже поставил — лет шесть или семь назад.

Но ни Большой, ни Мариинский не уступают в славе и популярности Мстиславу Ростроповичу. Может быть, поэтому я так долго мечтал, чтобы маэстро поработал и в нашем театре.

О цифрах и контрактах

— Что для вас труднее: быть дирижером или директором?

— Одно помогает другому. Но я прежде всего дирижер, а не директор. Я научился организовывать творческий процесс. Не считаю, что лучше всех умею модернизировать устаревший театальный механизм, но, кажется, знаю об этом больше иных, кто проработал в театре по 40-50 лет. Время изменило решительно все требования, но никто не хочет покидать театр. Однако мало кто желает учиться работать по-новому в 60 лет. Артистические силы театра по профессиональному уровню, творческому азарту гораздо сильнее административной его части. Хотя в целом коллектив умеет работать над поставленной задачей.

Я думаю, основная задача театра сегодня — развивать взаимоотношения с окружающим миром. 1996 год был испорчен в Мариинском нашумевшими скандалами со взятками. Для меня слово «друг» звучит лучше, чем «спонсор». Но такой мощный творческий организм, как Мариинский театр, как-то нелогично просто «спонсировать». Нам необхо-

На проходящем сейчас в Зальцбурге ежегодном оперном фестивале Гергиев осуществил постановку второй редакции «Бориса Годунова» Мусоргского, которая оказалась единственной русской оперой в репертуаре фестиваля. В соответствии с многолетней зальцбургской традицией коллектив, работавший над спектаклем, был интернациональным: Валерий Гергиев (музыкальный руководитель постановки), Герберт Вернике (режиссер), Ольга Боро-

дина, Александр Морозов, Николай Путилин (солисты Мариинского театра) и Сергей Ларин (в прошлом — солист Нижегородской оперы, ныне — мировой премьер). Чопорная зальцбургская публика предпочла, как и во времена Герберта фон Караяна, загодя запастись билетами, и на трех первых спектаклях (всего их будет шесть) переполненный зал овацией встречал очевидного фаворита нынешнего фестиваля Сергея Ларина.

Руководитель Мариинского Валерий Гергиев и президент Международного союза музыкальных деятелей Ирина Архипова делятся опытом компромиссов: оба они одновременно и артисты, и чиновники

димо осмысленное взаимодействие с государственным и частными финансовыми структурами — ведь популярности театра в мире превосходит известность любого банка нашей страны.

— Знаком ли Мариинский театр с проблемами, которые испытывает театр западный?

— Сегодня ситуация такова: чем раньше вы подписываете контракт с артистом, тем увереннее чувствуете себя все то время, что уходит на создание спектакля. Под контракт нужны конкретные деньги и конкретная структура. Ни того, ни другого в стопроцентном выражении наш театр пока предложить не может. Но я искренне надеюсь, что \$20 млн, необходимые театру, к примеру, в 1998 году, будут предоставлены государством.

С другой стороны, многие видят в нашем театре очень серьезный потенциальный источник доходов для государства (допустим, через налоги). Мне кажется, что здесь политика в отношении театра далеко не верна. Либо пусть государство дает все, что требуется театру, либо в нашем лице оно получит неисправно функционирующую госмаши-

Валерий Гергиев родился в 1953 г. Окончил Ленинградскую консерваторию. В 24 года стал обладателем самой престижной дирижерской премии Герберта фон Караяна. В 1994 г. решением международного жюри International Classical Music Awards был назван «Дирижером года». С 1995 г. — главный дирижер Роттердамской филармонии, а с 1996 г. — художественный руководитель — директор Мариинского театра.

Лауреат Госпремии России, народный артист России. В прошлом году журнал Musical America назвал Валерия Гергиева «музыкантом года».

Кроме Мариинского театра, Валерий Гергиев осуществил постановки в таких крупнейших оперных театрах мира, как Covent Garden, Metropolitan Opera, La Scala и др.

52 млрд руб. нашего бюджета за 1996 год, из которых мы пока получили лишь половину, никак нельзя считать адекватными для Мариинского театра при сегодняшних ценах. Печально, что это происходит именно тогда, когда почти все русское ругают в мире за низкое качество, а ведь мы много даем и зарубежной сцене, и — что еще важнее — отечественной. Я говорю о новых постановках, я говорю о фестивале «Звезды белых ночей».

Я не считаю, что налоги платить не надо. Боже упаси! Но страна должна уважать и оплачивать труд артистов, которые сегодня хотят работать дома.

Пятнадцатидневные гастроли нашей оперы в Японии принесли театру порядка \$200 тыс. Это то, что осталось после уплаты всех налогов. За три дня работы в Израиле нам останется \$40-50 тыс. На это мы и живем. А государственные чиновники, глядя на это, думают: «Вот пусть себе и живут». Так можно далеко зайти. Самое смешное, что почему-то именно нас призывают к порядку. Так дайте поддержку!

Сегодня мы не поставили обещанной «Валькирии». Казалось бы, ничего страшного, никто не умер. Завтра — не сделаем целый фестиваль. А послезавтра — потеряем хо-

роших певцов. Через два года не будет ни одной премьеры в сезоне — все будет в жесточайшем кризисе. И вот тогда скажут: «Во всем виноват Гергиев».

— Но в Америке государство тоже не очень-то трагится на культуру. Империя Metropolitan существует в основном за счет совета директоров и попечителей, других аналогичных структур. Есть ли у Мариинки шанс стать подобной империей в России?

— У Мариинского театра нет задачи создавать такую империю. Убежден, что в ближайшие пять лет в России не появится леги, вроде одной из тех, кого я знаю в Америке, чтобы дать \$1,5 млн на постановку только одной оперы.

В мире бывает так: умирает какой-нибудь богач, и его вдова становится владелицей сотен миллионов. Она любит оперу, ей нравится слушать Доминго и Паваротти. Она называет сумму, которую могла бы дать на конкретный спектакль. И очень вероятно, что театр сделает именно ту постановку, которая была названа ею.

Основной же принцип существования Metropolitan Opera — это железная дисциплина. Однако если я внедрю хотя бы десять процентов тех правил, которые очень хорошо работают в Metropolitan, то меня назовут тираном и сразу вспомнят, что я «лицо кавказской национальности».

— А Госконцерт, с которым Мариинский в вашем лице подписал беспрецедентный эксклюзивный контракт, не может сыграть в судьбе театра роль той самой «американской леди»? — Это не его задача. У нас совершенно другая модель взаимоотношений. Мы говорим с ним на одном языке и не видим в Госконцерте жулика, жаждущего нас обграбить. Наш опыт проведения такого фестиваля, как «Мир Кавказу», — лучшее тому доказательство. Тогда как прежние позорные результаты не-работы с Госконцертом Мариинского балета общеизвестны.

— Когда же все-таки список зарубежных звезд, работающих на сцене Мариинки, не будет исчерпываться приятным, но, увы, единственным именем Доминго? — Пока у нас нет постоянно-го, уверенного движения в завтра. Однако сегодня судьба Мариинки не зависит от выступления заморских «звезд». Конечно, было бы здорово, если бы они выступили здесь как можно чаще. Но Мариинский театр сейчас гораздо больше зависит от того, удастся ли ему сохранить имеющийся творческий потенциал, модернизировать свою административно-техническую часть. Если этого не сделать сегодня, то завтра на это уйдут громадные деньги, не говоря о всевозможных конфликтах.

Театр не должен быть колымагой, которую артисты из последних сил тащат в будущее тысячелетие.